

...Парк Лесной академии – не лучшее место для прогулок в сумерках. Это я скажу вам с полным основанием, испытано самолично, причём, неоднократно. Особенно противопоказаны одинокие вечерние променады в летние и осенние месяцы, когда абитуриенты и первокурсники, пытаюсь вжиться в ритм студенческой ленинградской жизни и не в силах преодолеть комплекса провинциализма, что слагается, как известно, из комплекса неполноценности и критически завышенной самооценки, норовят впахнуть в этот ритм и свои местечковые понятия. Но к марту особо ретивые отлавливаются доблестными органами внутренних дел, а особо нерадивые отчисляются деканатом после первой сессии, так что нападение разбойное или сексуальное в марте – уже нонсенс. Хотя оно предстояло перед глазами в полном наличии – девчонка отбивалась сразу от двоих. Пиво, конечно, не лучший стимул для проявления благородных наклонностей, тяжеловато оно для стремительных тонких порывов души, да в фундаменте-то, не забывайте, угнездились хазани с чебуреками, обильно сдобренные полутора литрами сухого вина ркацители. Хоть напиток и не бургундско-гасконский, но достаточно благородный, потому мы ничтоже сумняшеся и вполне в духе произведений Дюма-отца ринулись свершать акт возмездия. И вот тут, недаром я заострил внимание на белизне наряда, обновка внесла в мою жизнь первую коррективу. Может, метнись я вслед за Коляном прямо через заросли свидины и шиповника, умылись бы вдвоём кровавой юшкой, а насильники, бросив жертву, сбежали бы восвояси, да белые штаны вынудили свернуть с прямого пути, огибая кустарниковые заросли.

Оно и понятно. Любой, кто пережил слякотную питерскую зиму, достаточно способен представить, какой вид приобретают ветви городской древесной и кустарниковой растительности. Нет, на вид они вполне благополучны и даже приятны, до той поры пока не решишься взять в руки. Слякотный жирный налёт остаётся на ладони, и смыть его удаётся лишь ядрёным семидесятидвухпроцентным хозяйственным мылом. Да и то не с первого раза. След от тех ветвей остаётся и бывает заметен даже на тёмной одежде, а тут – совершенно белые брюки.

Так что, когда я выскочил из-за кустов, с Коляном было практически покончено. Негр, а насильники были именно чёрными в полном смысле этого слова, к тому времени уже отоварил моего приятеля под дых и сейчас добивал именно почти по-английски, даром ли столько лет был чёрный континент колонией великой островной империи, почти фейсом о тейбл, а если по-нашему, то мордой о согнутое колено. Состояние собственных брюк, похоже, его нимало не беспокоило. Да и впрямь, чего задумываться об одежке, когда этих штанов, поди, полный чемодан, а точнее чемодан или что там у того министерского отпрыска, а другие в нашем вузе почему-то не водились, полный зелёной капусты. Так что, уже вываливаясь на

прямою атакой, я услышал сырой с сочным хрустом шлепок, с которым волтенетился хрящ коленную переносицу с тренированным коленом. Тем же движением колена негр отбросил безвольную коляную тушку в сторону и начал поворачиваться ко мне. Я, судя по развивающейся ситуации, должен был стать следующей жертвой, да только скоротечная спонтанная драка, как, впрочем, и реальный бой – дело совершенно не только непредсказуемое, но, я бы сказал, и управляемое свыше. Чем же иначе, как не вмешательством верхней силы, можно ещё объяснить то немаловажное для всей моей последующей жизни обстоятельство, что по ходу этого жертвенного броска, совершенно автоматически захватил я левой рукой приклонённую к попутному сбоку дереву палку метровой примерно длины. Сразу я и не просёк, что это за кол такой странный – тонкий, но удивительно тяжёлый, а на адреналине перехватил его правой рукой, чтобы поставить хотя бы простейший блок, пусть и примитивно, но прикрыться от тренированного кулака. И тут свою роль сыграла то ли тяжесть неожиданного оружия, а это действительно было оружие – заржавелый винтовочный ствол, то ли Божий помысел, но железяка окончательно перекечевала ствольной коробкой с закорючкой затворной рукояти в правую руку.

До негра оставалось какие-то метра полтора, и его кулак уже готовился встретиться с моим лицом, но и рука моя с зажатым в ней на манер шпаги или рапиры стволом пошла вперёд всей объединённой, а вернее – помноженной между собой скоростью моего бега, одновременного движения руки, массой тела и тяжестью винтовочного ствола. Понятно, винтовочный ствол – не шпага и не рапира, не холодное, словом, оружие и предназначен, как вы понимаете, совсем для других целей. Потому и снабжают это дальнобойное оружие для условий ближнего рукопашного боя острым клинком, штыком то есть. Но и просто полуторасантиметровый срез ствола, приложенный с кинетической энергией в несколько килограмм, да ещё в район солнечного сплетения, воздействие оказывает сокрушающее.

Всё произошло в какие-то доли секунды реального времени, но для меня, не знаю что тут сказалось – законы ли кинетики со статикой, или другие какие неизведанные ещё наукой принципы, – время вдруг замедлилось, превратив окружающее пространство в тягучую сиропообразную массу, и я, как ощущалось мне, бежал по парковым сумеркам, продаваясь, как бы проталкивая себя сквозь вязкую плотность воздуха. Я видел, как неотвратно медленно и верно шёл на встречу с моей переносицей чёрный, словно натёртый сапожной ваксой кулак, и даже отметил курчавую волосяную поросьль на костяшках пальцев, да винтовочный козырь чуть раньше воткнулся в чёрный же хром куртки. И вот уже точно так же медленно опускается молот кулака, а сам негр складывается наподобие перочинного карманного ножика. Я же – словно и не я совсем, а некое бесплотное бесстрастное существо, даже не существо, а некая сущность, потому как любое существо должно чувствовать и ощущать, а я лишь осознавал как бы со стороны, как бы сбоку смотрел на своё тело. Я видел, как рука в реализации недоиспользованной кинетической энергии тронулась по металлу вперёд, обдирая кожу ладони о ржавые приливы и неровности ствола, мало того, я чувствовал студенистость влажной ржавчины и видел, как остаются на ней

кусочки моей кожи, но боли не ощущал совершенно. Точно так же на бегу, практически бессознательно, на автопилоте, перехватил железяку в левую руку, а правой подцепил за ворот плаща и вздёрнул Коляна. Точно так же отстранённо, как и прежде, я отметил, как второй негр отпустил девчонку и потянулся правой рукой за отворот короткого коричневого пальто. Не знаю уж, что он хотел оттуда добыть, может, ножик, а может, почему бы и нет, даже и какое-нибудь удостоверение какого-либо внештатника, потому как совершенно не успел, ибо, придав приятелю немалое ускорение в сторону выхода из парка, я обеими руками уже опускал своё сокрушительное оружие на его правое плечо. Плечо как-то сразу искривилось, рука опала, да и сам негр повалился мешком в снег прямо там, где и стоял.

Меня пронесло по ходу движения дальше, но я удовлетворённо отметил как Коляна достаточно осмысленно и целеустремлённо ковыляет по дорожке к выходу на Новороссийскую, а спасённая жертва, вот уж действительно, баба она баба и есть – кошка, а у кошки, как известно, девять жизней, месит сапожками снег в том же направлении.

Реальность времени и пространства вернулись минут через пять, сужу по расстоянию от места стычки до водоёма – воронки от фугаса авиабомбы, прогулочным шагом на эту дистанцию потратилось бы никак не меньше минут пятнадцати, где я освободился от своего нечаянного оружия. Размахнувшись, я заметнул железяку на середину озерца и с удовлетворением отметил, как исчезла она в серой снежной массе. Вернулась, так сказать, в своё обычное местопребывание.

Что ещё за необычное такое местопребывание винтовочного ствола на дне залитой водой воронки из-под авиабомбы? – спросит дотошный читатель. Обыкновенное, – отвечу я с полным правом знания истории дела. Ведь это никто иной как мы, будущие студенты первого курса, после успешной сдачи вступительных экзаменов занимались расчисткой дна полудесятка этих рукотворных водоёмов или «прудигов», как называл их завхоз, что руководил нашими ассенизаторскими работами. Дело было обставлено так: сначала к берегу подгонялся автомобиль с пожарной помпой, и вода из ямины выкачивалась в сторону. Когда помпа начинала всхлипывать, задыхаясь жидкой грязью, наступал и наш черёд. Сперва ведрами, а затем совковыми лопатами мы перегружали чёрный ил на носилки и вываливали его в тракторную тележку. Когда тележка наполнялась, подбегал шустрый колёсный тракторишка и оттаскивал загруженную, оставляя нам порожнюю для дальнейшего наполнения. Постепенно, по мере оттаскивания заполненных телег и, естественно, понижения в конусе воронки уровня липкой грязи начинали попадаться и разнообразные предметы как военного, так и гражданского быта. Прежде всего, это были дамские сумочки со срезанными ремнями, а также мокрые и склизкие до лягушести денежные кошельки. По кошелькам, а особенно по сумочкам, если задаться целью и разложить их хотя бы для просушки, можно было бы проследить тенденции развития моды от середины сороковых до начала семидесятых годов. Объединяло их лишь одно – все они, что сумочки, что кошельки, непременно оказывались с распахнутыми челюстями и абсолютно пустыми. Как я уже говорил, даже в начале семидесятых парк академии был

далеко не самым подходящим местом для сумеречных прогулок, так что уж говорить о дилехо послевоенном времени. Послевоенном потому, как до блокады и массированных бомбардировок Ленинграда таких воронок от фугасных бомб просто не существовало. Так что кошельки и сумочки вместе с основной грязью летели в кузова тракторных тележек догнывать на какой-нибудь свалке.

Иное дело – предметы армейского быта. Из вещей военного обихода чаще всего попадались винтовочные стволы. Подняв из грязи очередную такую находку, мы, как правило, доставали сигареты. Покуривая, а что, вполне законный повод для перекура, очищали ствол от грязи и остатков деревянного ложа. Дерево гнивало практически во всех случаях, а вот стволы и даже затворы некоторых винтовок оказывались во вполне приличном состоянии. Надо полагать, такое случалось тогда, когда оружие попадало сразу в глубокие слои ила, туда, куда доступ кислорода был ограничен просто до нулевой величины. Винтовки мы раскладывали по признаку «свой – чужой». Свои – это, естественно, неизменные мосинские трёхлинейки. Чужие – маузеровские карабины «К-28», основное оружие вермахта. Попадались, правда, ещё и стволы невнятной конструкции, но после тихих, зато исключительно дымных дебатов были идентифицированы и они. Так, ствольная коробка с кочерёжно загнутым концом ствола была признана самозарядной винтовкой Токарева и дополнила пехотное отделение «своих». На другом же необычно длинном стволе после расчистки остатков ложа были обнаружены иероглифы, за что он был признан японской винтовкой «арисаки» и отправлен в кучку «чужих».

Кроме остатков винтовок, нами была выложена кучка из полудесятка рубчатых оболочек оборонительных гранат «Ф-1» или «лимонок». А вот гранат попроще, гранат наступательных, оболочки которых изготавливались из жести, не было. Сгнили, надо думать. Зато был найден револьвер системы наган с намертво прижавельым барабаном и кинжал. Кинжал-то и был, пожалуй, самой неожиданной и потому приятной находкой. Мало того, лезвие этого непренного джигитского атрибута, укрытое ножнами из какого-то светлого металла, сохранилось практически в первозданном виде, и когда я с силой потянул за черен рукоятки, обнажился светлый металл клинка с четырьмя дольными бороздами. Понятное дело, больше я этого сокровища из рук не выпускал. Впрочем, и остальные прихватили кто что нашёл: кто-то ограничился револьвером, кто-то сунул в карманы штанов пару лимонок, а кто-то унёс и стволы, что сохранились лучше других. Большинство же стволов осталось на берегу и долго ещё потом обнаруживалось вдруг то в густой июньской траве, то, как только что вот, прислонённым к дереву.

Швырнув своё нечаянное оружие в снег на середине водоёма, я наблюдал отстранённо, как летит эта ржавая железяка, вращаясь вначале медленно, как всё убыстрятся её вращение и скорость полёта, как втыкается она ствольной коробкой в серую снежную кашу и исчезает полностью. Пока летела она, всё ускоряясь, точно такими же темпами возвращалось ко мне и ощущение реального времени. Вместе с хрипом запалённого своего дыхания услышал я и звонки трамвая с Лесного проспекта, и общий звуковой фон большого города. Облеченная дорожка под ногами пошла вдруг вбок, и я упал на колени.

Ну вот, штаны изгваздаль окончательно, – было первой и, пожалуй, единственной мыслью, потому что, приподнявшись и оглядев себя, понял, что тёмные пятна на коленях были лишь завершающим штрихом. На правой штанине, прямо на бедре, там, где нечаянно оперся я рукой, пытаюсь встать с колен, отчётливо алел след пятерни, а стоило приглядеться, как можно было увидеть серо-коричневые, даже на вид жирные какие-то штрихи по всей штанине. Так что россыпь тёмно-красных брызг, очевидно из Колянова носа, была очевидна лишь после придирчивого осмотра. На стильных брючатах можно было поставить жирный крест. Следы крови вкупе с городской сажой можно было бы снять лишь длительным кипячением, но чёрные вставки! Забегая вперёд, скажу, что так оно и случилось. Даже без кипячения, даже после простого замачивания с порошком «Новость» в воде комнатной температуры. Так что в своём первоначальном предположении я был совершенно прав.

– На улице Литейной стоит волшебный дом, – войдёшь туда ребёнком, а выйдешь стариком, – продекламировал комендант нашего институтского общежития Гриша Амбарцумян, подавая мне повестку. Не то чтобы я не ожидал чего-либо подобного, в смысле – повестки, но только из районного отделения милиции, а уж никак не из областного управления Комитета государственной безопасности СССР. – Литейный четыре, четвёртый подъезд, здесь много хороших посадочных мест... – продолжил Гриша. – Получи, распишись. Не знаю, что уж ты там такого натворил, раз вызывают повесткой в управление государственной безопасности, но, надо полагать, нечто весьма серьёзное. Так просто, паспорт проверить, в контору не приглашают.

На зеленовато-сером листке в половину писчего формата и правда значились мои фамилия, имя и отчество и предлагалось уже завтра, четвёртого апреля, явиться для допроса в десять часов к сотруднику... В том месте, где предполагалась пропись фамилии сотрудника, был жирный фиолетовый прочерк. Читаю далее – по адресу: Ленинград, Литейный проспект, дом номер шесть, в скобках – Бюро пропусков, окно номер два. Впрочем, через содержимое скобок, как и номер здания, так же жирнел фиолетовый прочерк, а сверху читалось: «номер четыре, главный вход». А чуть ниже – «явка обязательна» и «при себе необходимо иметь паспорт».

Как обычно, я пришёл заранее, что поделаешь, привычка такая. На улице было сыро, где-то около нуля, и я долго стоял, выжидая время, на другой от здания стороне, судорожно, до спазмов в горле, затягиваясь сигаретным дымом. Серый сигаретный дымок тут же на выдохе терялся в сером же, пропитанном водяной пылью воздухе. Впрочем, в серости этого тумана терялась, скрадываясь, и квадратная строгость особняка напротив. Особо много подъездов в здании номер четыре, как в комендантовском стишке, я не заметил, потому вошёл в тот, который был перед глазами. Перед вестибюлем, сразу за дверями входа – два прапорщика – справа и слева. Сунулся было к тому, что слева, да не дошёл.

– Сюда, пожалуйста, – прозвучало справа, и я послушно повернулся, пересёк площадку и вручил листок повестки правому прапорщику. – Подождите, за вами придут, –

указал он на стул. Поднял трубку телефона, что-то сказал вполголоса, единственное, что я смог уловить различимо: «товарищ капитан».

Сижку, разглядываю вестибюль, гебешный щит с вертикалью меча в простенке между лестницами наверх. Простенок, это так я просто говорю, а на самом деле оконный проём практически во всю межлестничную площадку, и на стекле – тёмный контур щита. Пока сидел, минут, наверное, пять, мимо прошли два человека – один на вход, другой на выход. Видимо, не первый раз бывали они в этом здании, потому как, в отличие от меня, ни один не ошибся – тот, что входил, сразу повернул к прапору справа, а выходящий – к противоположному. Отметились и отправились каждый по своему маршруту. А я всё сидел. Это сейчас, понимаю, что минут пять, а тогда, в томительной неизвестности – вечность.

Да и представьте себе сами, живёшь себе, функционируешь как организм, между делом совершая какие-нибудь мелкие грешки и поступки. Нет, понятное дело, совсем-то уж не наглеешь, надеясь, что все твои прегрешения обязательно сойдут с рук, то есть, не будут замечены деканатом там, или участковым. А тут сразу – госбезопасность. Понятно, что ощущение тревоги не покидало с того самого момента, как листок повестки оказался у меня в руках. Да что там тревоги – откровенной паники. Не той паники, когда в физиологическом порыве мчишься прочь от опасности, а мозг лихорадочно просчитывает варианты, нет. Паники внутренней, хотя совсем не факт, что не выдаётся она внешними проявлениями, только происходит не просто в мозгах, а во всей твоей внутренней требухе, такой, что физиология тела перестаёт подчиняться внешней обстановке. Нет, понятное дело, я не напрудил в штаны, хотя, не скрою, что был, пожалуй, на грани такого нервного срыва. Особенно там, перед входом в урюмое это, как бы олицетворяющее всю государственную мощь и несокрушимость, здание.

Эта самая физиология, сфинктеры или ещё там какие запорные мышцы, чуть не распухли именно там, перед входом в здание, с порталом, облицованным коричнево-красным гранитом, со строгими вертикалями оконных проёмов на всю высоту этажей. По бокам, как бы подчёркивая всю неотвратимость государственной властной вертикали, угрюмо-серую коробку здания симметрично подпирали монументально-квадратные угловые башни. Надо думать, что и проектировалось, и строилось это здание лишь с одной только основной целью – заранее дать понять человеку, что он не существует как отдельно взятая личность. Что он всего лишь винтик, заклёпка или часть смазки громоздкой и огромной государственной машины и, безусловно, заложник её идеи. Да, пожалуй, так будет вернее, именно не винтик и, тем более, не заклёпка. Именно смазка – инертная смазка, способная исключительно лишь обеспечить бесперебойное функционирование этой системы. А у смазки какой может быть личный интерес или собственный путь, отличный от интересов и общего пути государственного строя. Тут можно рассуждать, и то лишь в порядке рассуждения, о совпадении и, естественно, о принесении себя в жертву государству. Хотя удел смазки именно в самопожертвовании.

Это я сейчас так рассуждаю. Тогда, в семьдесят третьем, подобные мысли просто не могли возникнуть в моей двадцатилетней голове. Тогда комитет государственной безопасности был для меня рубежом обороны, бастионом, где на страже стояли исключительно

легендарные Ричард Зорге со Штирлицем да майором Вихрем. Хотя со Штирлицем я явно поторопился. Да, в тысяча девятьсот семьдесят третьем году вышли все двенадцать серий весенних мгновений о суровых буднях советского разведчика Исаева-Владимирова-Штирлица, но зритель увидел их лишь в августе. И только к концу года, после повторных прокатов по телевизору, каждый третьеклассник точно знал, что запоминается последняя фраза. В марте же семьдесят третьего об азарте и печалях двойной жизни ведали лишь немногие продвинутые и посвящённые. Но и эти рассуждения – суть инфинитивы нынешней реальности, тогда же откуда-то из вестибюля подошёл капитан с общевоинскими петлицами.

Рядом с бравыми, официально-монументальными прапорщиками капитан совершенно не смотрелся. Весь его вид – поношенные, как бы стирано-линялые китель и полу-галифе с до блеска залоснившимися провисями локтей, коленей и карманных проёмов, пусть и чищенные, но явно не первой свежести хромовые сапоги, тусклая пряжка ремня и потёртая кожа явно пустой кобуры, не отражал успешности продвижения по служебной лестнице. Складывалось впечатление, что капитана прямо в кителе и сапогах надолго помещали в стиральную машину и крутили там, временами меняя воду. Мало того, у него было совершенно невыразительное, совершенно нормальное лицо – пропорциональное и без каких-либо ущербин. Всё стандартное: абрис носа, спокойного подбородка, губ, серая щётка коротких усов под такими же невыразительными отверстиями ноздрей, такие же серенькие, как и усы, волосы на висках под форменной фуражкой. Словом, встретить я капитана, одетого в гражданское, где-нибудь в метро, или даже на какой-либо вечеринке, ни за что бы не запомнил, а, следовательно, впоследствии и не узнал бы. Что делать, – серость и обыденность не запоминаются. И мысленно вслед за бардом я повторил сакраментальную фразу: «Капитан, никогда ты не будешь майором».

Но тут капитан приподнял голову и взглянул на меня из-под козырька фуражки, словно током продёрнуло по позвоночнику, – так отчаянно ярко были его жёлтые ястребиные глаза с тонкими, словно булавочные узоры, точками зрачков. Именно ястребиные. Определение пришло откуда-то изнутри и сразу, почти мгновенно, и сомнений в правильности его, у меня совершенно не возникло. Одновременно вспомнилось, как подстрелил однажды ястреба-перепелятника, и как лежал он на спине с перебитыми крыльями и ногой, но когти ноги, оставшейся целой, как и клюв, были направлены мне в лицо. Помню эти чуть скрюченные когти и помню глаза: яростно жёлтые, без капли боли и сомнения, – только отчаянная решимость подороже продать остатки жизни. И ещё сила, внутренняя сила и убеждённость. Понятно, что последнее, – исключительно моя человеческая интерпретация. Хотя, глаза лгут редко, вернее, глазами обманывать гораздо сложнее, чем словами, показным видом, ведь их выражение практически не контролируется сознанием. Хотя и здесь не без исключений, ведь способностью скрывать выражение глаз обладают профессиональные политики, опытные актёры, ну и, понятное дело, люди разведки.

В практически равнодушном взгляде ярко-жёлтых капитанских глаз жили спокойствие и решительная сила, противостоять которой отважился бы, думаю, далеко не каждый. Капитан предложил проследовать за ним, что я и сделал.

Странная штука – человеческая память, хотя, сетовал уже о том: листок повестки помню, даже помню косую черту перед неразборчивой закорючкой подписи, означающую, что повестку подписал не сам начальник отдела Управления Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР по Ленинградской области, а кто-то из уполномоченных для того лиц. А вот этаж, на который мы с капитаном поднялись, и как поднялись, – по лестнице или на лифте, – не помню. Помню серые под мрамор стены коридора и массивные дубовые двери. В одну из них капитан меня и завёл. Предложил сесть, указав на одинокий стул прямо у входной двери, и уселся сам, тоже на боковой стул, правда, ближе к письменному столу. Стол был большой двухгумбовый, совершенно канцелярско-бухгалтерского вида, и стоял торцом к окну, что располагалось прямо напротив входа. Стоял так, что между его боковой стенкой и рёбрами крашеной неизменной серебрянкой батареи отопления под окном оставалось место для прохода. На поверхности стола, крытой толстой стеклянной пластиной, кроме неперменных атрибутов всех канцелярских работников: перекидного календаря с пучком карандашей и настольной лампы с зелёным абажуром, лежали только очки с затемнёнными стёклами. К широкой стороне письменного стола примыкал ещё один, длинный, отчего вся эта канцелярская конструкция представляла как бы перевёрнутую букву «гэ» с длинной ножкой от окна к входной двери. На поверхности этого длинного стола, как я понял, для заседаний тоже было девственно пусто, если не считать квадратной пластиковой карандашницы с пучком остро заточенных карандашей и стопки зеленоватой писчей бумаги четвёртого формата. Вдоль длинных сторон стола-приставки были расставлены стулья. Вот на один из этих стульев, тот, что был ближе к креслу за письменным столом, и уселся капитан. Уселся с видом завсегдатая, вальяжно закинул ногу на ногу, достал из внутреннего кармана кителя какую-то газетку и принялся читать. Может, конечно, и только делал вид, что читает, хотя и не думаю. Зачем ему это было надо.

Когда-то в определённые времена и в определённой среде было у меня, выражаясь нынешним прибрлатнённым языком, погоняло, а точнее – позывной, кличка. Прозвище, короче, чтоб было понятно каждому. И звали меня тогда Серый. Ну и, естественно, производные от основы: и Волк, и Волчугин, и Матёрый с Волчиной. Тут уж, в зависимости от ситуации, случалось отзываться и на Серенького с Волченькой, а то и просто Хищника. Такой вот оборот. Это в нынешних романах и блокбастерах крутых парней прозывают исключительно по зверским именам: Слон, там, или Тигр, Волк, опять же, Пума, Лис. Как-то вычитал в одной околоскриминальной повестушке, будто некоего крутыша прозывали Россомохой. По-моему, так бред и полная литературщина. Позывной должен быть кратким, словно выдох, а попробуй-ка в реальной ситуации, когда решают доли секунды, отдать распоряжение Россомохе, или там, допустим Леопарду – пока выговариваешь, всё и закончится. Лично я из зверей знавал лишь Лося с Котом. А так всё Кузи, Зямы, Папы. Встречал как-то, правда, и Штирлица, но тот был аналитиком, так что общей картины не особо портил.

Понятно, прозвища даются далеко не по фамилии, а скорее по черте характера. Допустим, Кузя был ужасно домовит и даже временное, на пару часов, убежище устраивал

обстоятельно, а Папа непременно и даже излишне настойчиво заботлив, но в моём характере, уверяю, ничего особо зверски-хищного нет. По крайней мере, так считаю сам. Может, разве лишь неистребимая тяга к личному одиночеству, что, вполне вероятно, и было отмечено и зафиксировано. Впрочем, если уж приоткрываться и дальше, то довелось мне как-то, через Волчугина опять же, числиться и в Майорах. Но тут всё было достаточно прозрачно – группа подобралась из индивидуумов достаточно подкованных гуманитарно, а мне, пусть и достаточно короткое время, пришлось наличествовать в ней старшим. Майор по латыни значит – большой. Вот и стал, хоть до большой звёздочки на двух проsvетах мне было, как до Киева раком.

Пусть так и будет. Станет мой двойник Серым Волком, а точнее Сергеем Волчугиным.

Итак, уже не я, а Сергей Волчугин сидел на жёсткой фанерке сиденья и внутренне тоже расслаблялся. Да и что было мандражировать, коль всё уже случилось, коль он уже здесь, внутри этого здания, и было уже по большому счёту не совсем важно, в чём его обвинят или какие счёты предъявят. Пришло какое-то скептически-пофигистское настроение, когда уже всё равно, какое будущее готовится ему в этом кабинете, – как в омут головой. Потому, как-то даже неожиданно для себя, успокоился, точнее, примирился и принялся разглядывать обстановку. Всё-таки не каждый день бываешь внутри такого загадочно-легендарного учреждения. Так что, описывая столоначальнический угол, я, теперь уже, напомним, Сергей, как бы забежал несколько вперёд. В первую же очередь был запах. Вернее, даже не запах, потому как этим расплывчатым определением человеческое сознание характеризует любые обонятельные характеристики, от тонкого аромата цветов ландыша до вони сырых, хоть отжимай, солдатских портянок после марш-броска в полной выкладке. Здесь же пахло достаточно сложно, но в то же время – приятно. Основным и явно многолетним фоном была смесь ароматов дыма хорошего табака, дорогой кожи и мускуса недешёвой мужской парфюмерии. Было понятно, что хозяин этого кабинета себя любит и холит, и в мелких приятностях, из которых, собственно говоря, и состоит всё наше земное существование, себе не отказывает. Правда, весь этот сложный ароматический коктейль едва угадывался сквозь скипидарный дух растворителя для масляной краски. Но, вернёмся к обстановке кабинета.

Итак, справа от стула, на жёстком сидении которого Волчугин примостился одной краюшкой, была входная дверь. Слева – крашенный неистребимой зелёной краской металл большого двухсекционного сейфа. Вот от сейфа-то и несло скипидаром. Под пальцем краска слегка подалась, но к подушечке не прилипла, значит, красили перед выходными, подсохла уже, но Сергей всё-таки не стал рисковать и от сейфа отодвинулся. За сейфом почти до потолка высился платяной шкаф с антресолью поверху, очевидно для верхней одежды, ну и для чего там ещё обиходно-бытового. Дальше, вдоль всей боковой стены почти до кресла, тоже двусторчатые шкафы, частью глухие, частью застеклённые. Стёкла у застеклённых заклеены всё той же зеленовато-серой канцелярской бумагой. Но на створках и тех, и этих – непременные пластилиновые блямбы и суровые нитки шнурков. Для опе-

чатывания, – понял Сергей. Стена справа от потолка до пола и почти полностью на всю длину скрывалась за коричневой шторой. Со стороны входа штора была слегка отдернута и за ней просматривалась разной интенсивности голубизна с тёмными линиями. Штора явно скрывала карту, а так как синь морей от потолка до пола нашей страны могла быть только с дальневосточной стороны, можно было сделать предположительный вывод, что карта та рассказывает о каких-то восточных землях – корейских или китайских. И, как показало ближайшее же время, предположения эти подтвердились.

Входная дверь справа распахнулась, и в кабинет неторопливо вошёл мужчина. И тут же уплотнился основной запаховой фон кабинета, отодвинув скипидарные миазмы. Сразу стало понятно, что это и есть столоначальник, к которому было предписано явиться. На двери кабинета, как Сергей успел отметить, не было таблички с фамилией и должностью занимаемого его лица, да и в повестке, как уже говорилось, тоже в соответствующем месте жирнел фиолетовый прочерк. Невозможно было определить и звания, мужик-то зашёл в гражданском. Впрочем, если судить по одежке, то пост хозяин кабинета занимал немалый. На одежду-то Волчугин обратил внимание в первую очередь, и сразу понял – фирма! С ударением на последний слог. Фирма: от замшевых коричневых мокасин до пиджака из тонкой замши же светло-табачного цвета с бахромой по швам рукавов и вытачки на спине. А ещё были голубые джинсы с белесыми потёртостями коленей и подвёрнутыми штанинами.

Потёртости фирменных джинсов ни в коем случае нельзя ставить в сравнение с лоском затёртости локтей капитанского кителя или коленей на полугалифе, потому как, если последние приобретаются исключительно в результате долгих, да что там долгих, многолетних сидений за письменным столом (на локтях) или ползаний по пересечённой местности (на коленях), то джинсовая потёртость приобретается вместе с товаром за баксы или чеки в фирменных «Берёзках». Хотя существовал и ещё один путь – привезти из-за кордона, но этот путь был из области фантастики. Для меня, по крайней мере. То же самое, что слетать на Луну и привезти оттуда лунной же пыли.

Отвороты штанин были в сине-белую клетку, то есть, это были не просто джинсы, пусть и фирменные, но джинсы утеплённые байкой или фланелью. Ремень на джинсах был прикрыт водолазкой светло-оливкового цвета. Но что можно скрыть под обтягивающей тонкой тканью! Так что очертания плоской, размером с ладонь, пряжки ремня тоже впрямую говорили о немалых возможностях, в том числе и финансовых, хозяина кабинета, и Сергей решил для себя, что в звании этот молодящийся пижон никак не менее майора.

Единственное, что несколько смазывало общее впечатление, это живот. Объёмистый, он под водолазкой явственно нависал над ремнём. Да ведь этот недостаток чисто косметический, надень хозяин вместо предательской водолазки обычную рубашку, и нет ущерба для начальственного престижа. Правда, был и ещё один незначительный изъянчик, а именно – ноздри. Нет, на первый взгляд всё было идеально: и греческий нос, совершенно прямой, практически без понижения линии гребня в районе переносицы, и пусть и не крупно, но рельефно вылепленные губы, и подбородок, точно также рельефный и доста-

точно массивный, с мужественным углублением на самой середине, – ариец, да и только. Подкачал лишь вырез ноздрей, глубокий, так что крылья носа явственно, на палец почти, поднимались над основанием, и это явно говорило о наличии в крови и семитской составляющей. Ну и ещё ресницы – короткие, редкие, белесые, – чисто пороссячи. Так что, пожалуй, не ариец, скорее – мариец. Или удмурт. Впрочем, и те, и другие суть, – финноугры.

А вот взгляд был вполне соответствующий – водянисто-холодный и пренебрежительно-оценивающий. Глаза вошедшего нарочито явственно, я бы сказал, даже с показной замедленностью, проследовали, последовательно осматривая посетителя, от нагрудного кармана вверх, до глаз, слегка задержались на них, как бы фиксируя, точно так же неторопливо проследовали вниз до влажной кожи ботинок. Впоследствии, прокручивая в памяти ту встречу, Волчугин как-то даже терялся в определении цвета глаз, – были ли они оттенка морозных узоров на оконном стекле, или чуть темнее, как темнеет жёсть оцинкованного ведра, что было в долгом употреблении. Хотя лично для меня разница тут не особенно и велика, что так, что этак, – взгляд тот был вполне соответствующий моменту. Мало кому может понравиться оценивающий взгляд таких глаз, который словно бы взвешивает, тут же определяя степень вины и тяжесть наказания, и, понятное дело, смотреть таким образом может лишь человек, не просто владеющий ситуацией, но и полностью управляющий ею. Человек, уверенный, что посетитель заинтересован в нём больше, чем он в посетителе. Хотя, подобное отношение вы сможете обнаружить в любом чиновничьем кабинете. Разве что не в такой степени.

Скользнув по Волчугину взглядом, мужчина так же небрежно, как бы меланхолически, пересёк пространство кабинета, остановился у окна, что-то поразглядывал за стеклом и уселся в кресло. Капитан при появлении столоначальника особого воинского почитания не выказал, а лишь свернул газетку трубочкой и убрал её обратно во внутренний карман кителя. Но позы не сменил, хоть глазами и вёл хозяина кабинета по всему его недолгому маршруту от двери до кресла. Угнездившись в кресле, хозяин кабинета, открыл средний ящик стола, достал из его глубин и поставил на стекло стола рубчатый овал ручной оборонительной гранаты «Ф-1». В просторечии – «лимонки». Запал с предохранительным кольцом был ввёрнут, и скоба вызывающе светлела на тёмно-зелёном рубчатом теле. Следом оттуда же появились пепельница из тёмного металла в виде согнутой в пригоршню ладони и портсигар светлого уже металла.

Сергей наблюдал, как мягко, по-кошачьи, ступали по плиткам паркета подошвы замшевых мокасин, и поднял взгляд лишь после того, как клетчатые отвороты скрылись за массивными тумбами письменного стола. Как раз в тот момент, когда профиль хозяина кабинета чётко, словно силуэт, вырезанный из чёрной обёртки от фотобумаги, вырисовался на фоне светлого окна. «Майор Пронин, – откликнулось вдруг где-то в нутряной глубине Серёгинаго подсознания, – лежал на мостовой, замаскированный под хабарик и палил короткими очередями из своего однозарядного пистолета-пулемёта по толпе,

где скрылся резидент. Среди убитых резидента не оказалось». И эта детскаяговорилка, вернее, слова её нарочито-ироничные, позволили окончательно потушить ноющее ощущение под ложечкой и окончательно утвердить, для себя, естественно, для личного внутреннего употребления, то есть, этого начальника в звании майора. Так что пусть так и будет, тем более, что присутствие этого, прямо скажем, второстепенного или подсобного персонажа в дальнейшей перспективе нашего повествования просто не просматривается. Майор сделал своё дело, мавр может удалиться.

Майор вынул из портсигара длинную коричневую сигарету, взял «лимонку», даванул её в руке, и над запалом вспыхнул язычок пламени. Прикурил, выдохнул струйку дыма, потом после небольшого перерыва пустил два аккуратные кольца и проговорил, как бы отвечая на немой вопрос капитана:

– Таможня даёт добро. – Вряд ли следовало объяснять эту всеобъемлющую цитату из культового фильма о красноармейце Фёдоре Сухове.

Капитан, видимо, понял всё как надо, но переспросил:

– А генерал?

– А с генералом пусть увязывает сам. Увяжет, куда он денется, бумага-то из центра, за подписью Калугина.

Тогда эта фамилия, единственная, кстати, произнесённая вслух в этом кабинете, мне ни о чём не могла сказать. В то время. Это уже сейчас, соотнося и анализируя после своих ночных псевдопробуждений, порывшись в информационной сети интернета, могу говорить достаточно определённо, что говорили они тогда о ещё полковнике Олеге Калугине, будущем предателе, а в марте тысяча девятьсот семьдесят третьего назначенном начальником управления «К». Говорили они совершенно свободно, словно Сергея и не было в этом кабинете. И это было достаточно симптоматично.

Майор положил дымящую сигарету в ладонь пепельницы, взял со стола очки и нацепил их. Поводил головой из стороны в сторону, как бы примеряясь. Очки вдруг не удержались на переносице и сползли на крылья носа. Майор кончиком указательного пальца вернул их на положенное место, но только протянул руку за сигаретой, как очки сползли снова. Только тут Сергей заметил, что заушины металлической оправы очков не имели загибов. Тех самых, загибов, что заходят за уши и фиксируют оправу на переносице. Заушины были совершенно прямые, разве что с лёгким искривлением навстречу друг другу, и Сергей несколько удивился, к чему такие нужны. Откуда ж было знать, что не пройдёт и полгода, и он сам отбросит подобные очки в грязь дорожной колеи, ибо тогда уже будет знать, что приспособлены они исключительно как дополнение к лёгкому шлемофону. Но это ж когда ещё будет, а тогда, в кабинете на Литейном-четыре, мог ли он предполагать свою дальнейшую судьбу, когда впереди совершенно не просматривалось, и всё предстоящее было призрачным и смутным: «Нахт унд набель», – говорят примерно в таких случаях немцы. На русский эту фразу можно перевести как «мрак и туман». И в смутном том сумраке толклись, постоянно повторяясь, словно с заезженной пластинки,

рифмованные строки: «На улице Шпалерной стоит волшебный дом: войдѣшь в него ребёнком, а выйдѣшь – стариком. Литейный, четыре, четвёртый подъезд, здесь много хороших посадочных мест...» – этот стишок Волчугин тоже слышал как-то в студенческом общежитии, от кого – не помнил, но точно не от коменданта.

– Итак, гражданин Волчугин, расскажите нам, как же это вы дошли до такой жизни, что занимаетесь разбоем? Стипендия маловата или родительской помощи не хватает? – майор царапнул Сергея цинковыми своими глазками. Он явно не собирался ходить во круг да около, мало того, начальник был уверен в своём правовом и моральном превосходстве, как бывает уверен кот, играя с пойманным мышонком. Куда ему, затравленному, деться, – лапки у кота мягкие и бесшумные, да остры спрятанные в них когти. Торжествует кот, нет у него никаких сомнений, зато у бедного мыша мозги плавятся от тех сомнений, от тупиковой безысходности, от осознания конца именно здесь и именно сейчас. – Что же подвинуло вас на столь дерзкое разбойное нападение на гражданина дружественной нам Народной республики Дагомея?

Что за Дагомея такая, Сергей Волчугин не имел ни малейшего представления. Понятно, что где-то в Африке, потому как противники-то были чернокожие, а попросту говоря – откровенные негры, но Африканский континент большой, государственных образований чуть ли не с полсотни, где уж знать их все. Волчугин помнил про Анголу, Нигерию, и Эфиопию с расистской Южно-Африканской Республикой, где когда-то отстояли свою независимость легендарные буры. А тут какая-то долбаная Дагомея. Да и хрен с ней, с Дагомеей и с её подданными негритосами, не Анжела, чай, Дэвис. Но оказалось, что не тут-то было. Поломаный негр оказался пусть и не бугром, но тоже прыщом знатным, а именно – сыном члена какого-то дагомейского, пусть и долбанного, но Национального политбюро, и если проводить аналогии с Политбюро коммунистической партии Советского Союза, то картина получалась совсем тухлая. Потому и КГБ, мелькнуло у Волчугина, и понимание этого несомненного факта бодрости ни в коем разе не прибавило.

– Разбойного не было, хулиганство разве, – неотчётливо, в четверть голоса квакнул Сергей из глубин своего призрачного омутного покоя.

– Пусть не разбойное, пусть хулиганство, суть от того не меняется, – в своём догребешном прошлом майор, надо полагать, имел педагогическую платформу, а то и парутройку лет преподавания в начальной или средней школе. – Потому как, – он снова открыл ящик стола и вытащил оттуда книгу, – нападавшим было нанесено жертве тяжкое телесное повреждение. А что нам трактует по этому поводу Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики? – Майор раскрыл книжку и продолжил, упёршись в текст взглядом. – А трактует он однозначно – статья номер сто восемь. Умышленное тяжкое телесное повреждение. Умышленное телесное повреждение, опасное для жизни или повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо органа либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или по-

влекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица, – наказывалось лишением свободы на срок до восьми лет. Ладно, обезображения не было, а утери функций вкуче с органами и стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, но и на эту дыру есть болт соответствующего размера и винтового шага – статья номер сто девять! – Майор торжествующе воздел указательный палец правой руки и якобы гневно вперил взгляд в Сергея. Всё это отдавало дешёвыми театральными трюками и очень напоминало сценки из художественной самодеятельности в сельской школе, в той самой, которую Волчугину, да, кстати, и мне тоже, довелось закончить. Там на роли режиссёра школьного театра подвизался учитель биологии и труда – неисправимый донжуан и ловелас местного разлива, и майор до оскомины напоминал в ту минуту того театрализованного трудовика. – А сто девятая статья как раз и предусматривает умышленное менее тяжкое телесное повреждение, то есть, умышленное телесное повреждение, не опасное для жизни и не причинившее последствий, предусмотренных в статье сто восемь настоящего Кодекса, напомним – умышленное телесное повреждение, опасное для жизни или повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо органа либо утрату органом его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица, – трудовик-майор убедительно потряс перед носом воздетым пальцем, – но вызвавшее длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату трудоспособности менее чем на одну треть, – наказывалось лишением свободы на срок до трёх лет или исправительными работами на срок до двух лет. Вот такие вот на сегодняшний момент имеются реалии, – майор брезгливо взглянул на свой палец, поднял сигарету из пепельницы и с явным удовольствием затянулся. При этом столбик пепла, сантиметра полтора, не меньше, что натлел на конце сигареты за время его речи, не только не опал, но даже и не скособочился. Майор небрежно стряхнул пепел в ладонь пепельницы и снова затянулся, снова выпустил дым колечками: два больших, широких, и сквозь них ещё одно, тоже пусть и помельче, но очень аккуратное. Снова поднял со стола очки, нацепил на переносицу и осторожно повертел головой. Очки держались, пока он не поднёс сигарету к губам, и шустро сползли на кончик носа именно в тот момент. Ну не приспособлены они были для гламурного ношения, правда, позднее Сергей увидит, как любители пофорсить всё-таки носили этот атрибут лётной экипировки постоянно, тупо связав дужки обыкновенной бельевой резинкой. С бельевой резинкой франтоватый майор явно не сочетался, и потому очки были небрежно отброшены на стол.

– Ладно, – продолжил майор, – ладно. Нападение на кого бы то ни было, – факт, безусловно, вопиющий, и он, безусловно, получил бы свою тракторку в подразделениях органов правопорядка, но нападение на сына члена политбюро Народной республики Дагомья приходится рассматривать ещё и как факт политической диверсии. Диверсии направленной на осложнение наших государственных отношений с этой самой республикой, где к власти пришли прогрессивные социалистически ориентированные силы. И в данном

конкретном случае приходится руководствоваться статьёй номер шестьдесят семь того же Уголовного кодекса Российской Советской федеративной социалистической Республики, и трактуется она как террористический акт против представителя иностранного государства, – он снова поднял томик в мягкой бумажной обложке, не глядя перелистнул и зачитал: – Убийство представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений – наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества. Согласен, об убийстве речи не было, речь шла о покушении с телесным повреждением. Так вот, студент, телесное повреждение, причиненное тем же лицам с той же целью, – наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества. И хоть имущества ты, надо полагать, не нашёл, но десятка – гарантирована. – Майор снова затянулся, уже без показной франтоватости выпустил дым и придавил окурочек в пепельнице. Словно шуруп ввинтил. Поставил, надо полагать, точку.

Тут уж Волчугин припух окончательно. Похоже, вырисовывалось не просто отчисление из родной деревянной академии с последующим походом в суровые армейские будни, но отчисление с последующим ещё более суровым сроком по политической статье. А это было уже не просто крушением планов на ближайшую пятилетку, но и разрушением всей оставшейся жизни. «Постой, паровоз, не стучите, колёса, кондуктор, нажми на тормоза...». Мрак стугнулся окончательно. Стугнулся так, что стало трудно дышать.

У каждого человека есть предел восприятия, переступив который, он даже самые трагические известия воспринимает с невозмутимым спокойствием. Это совершенно не означает, что они его не волнуют, просто в человеческом сознании не осталось уголка для эмоций, и единая сущность, которую принято считать личностью, пытается сохранить себя, не превратиться в блин под тяжестью мрачных известий. Да только мандраж-то уже прошёл, и было по большому счёту уже по фигу почти всё, жаль было лишь родителей, которые, как и все любящие предки, выстраивали по отношению к отпрыску какие-то свои жизненные планы. Планам этим наступал, похоже, полный кирдык. Но и понимание этого пришло и отодвинулось куда-то в сторону, потому как изменить-то что-либо было не в волчуговских силах, и сам от себя такого не ожидая, встопорчился. Совершенно по-детски.

– А чего они...

– А они-то как раз ничего. Даже заявления не подали. Несмотря на то, что членовредительство налицо. Ключицу-то ты ему напрочь переломил. Чем, кстати, бил? Палкой какой?

– Да нет, не палкой, – протянул Волчугин, выигрывая время, и в то же время судорожно просчитывая ответ, потому как про винтовочный ствол, как ему понималось, говорить ни в коем случае не следовало. Начальник, понятное дело, отметил эту заминку, да только истолковал её по-своему:

– А чем тогда? Неужели рукой?

Сергей, до того смотревший прямо на майора, опустил взгляд. Да и в самом-то деле, как тут не опустить, – от палки он отказался сам, про ствол что-то изнутри настоятельно

не советовало и заниматься. Что это за чувство такое, что за ощущение, Сергей не знал и не пытался в данный момент понять, а просто последовал внутреннему совету. Потом уже, гораздо позднее, через года и ряд критических ситуаций, придёт к нему понимание об этом «что-то», назовите это чувство предвидением, интуицией, ангелом-хранителем, последнее определение, пожалуй, наиболее объективно. Хотя один из моих наставников конкретно называл это интуитивное ощущение опасности анальным, «жопой чую», – утверждал он, и никогда при этом не ошибался.

– Где тренировался, у кого? – майор продолжал гнуть свою, кажущуюся ему логической, выстроенную линию. – В общезитии у вас какой сенсей завёлся? – майор коротко глянул на капитана. Капитан в ответ лишь скептически опустил углы губ и, как бы отрицая, слегка качнул головой. – Вряд ли, – продолжил майор, – в общезитиях мы бы знали.

И по тому, как он произнёс это «в общезитиях», Волчугин понял, что и другие коменданты в соседних общагах академии тоже, как и Гриша Амбарцумян, вольно или невольно, а скорее, согласно обязанностей штатного расписания, добровольно, присматривают за буйными студенческими отарами. И вовремя докладывают.

– Вы, гражданин Волчугин, лучше не отгмалчивайтесь. Здесь, у нас, лучше не молчать, лучше говорить. И как можно более откровенно. Продуктивнее, знаете, и для дела, и для здоровья.

– Так у себя в селе, в школе, – Сергей поднял на майора взгляд, судорожная внутренняя дрожь отпустила, и потому смотрел он с тихой доверчивостью.

– Был там у вас в сельской школе инструктор? Может, физрук? Может, у вас там, в сельской вашей школе, этот физрук кружок какой-нибудь вёл? Может, кружок по самообороне без оружия? – продолжал гнуть своё майор, одновременно ненавязчиво, но конкретно предлагая Волчугину путь отступления.

Учитель физкультуры, в просторечии физрук, в той волчугинской сельской школе, конечно же, был, – старший сержант погранвойск Юрий Петрович Юрпалов дело своё знал чётко: школьники бегали у него на лыжах дистанцию три километра, школьники – пять и десять, в зависимости от возраста. Гендерные различия в физическом воспитании проглядывались и в других спортивно-культурных мероприятиях: так, если волейбол объединял всех без половых различий, то футбол числился мероприятием чисто мужским. Был физрук угрюмоват и нелюдим, и кружков никаких не вёл, предпочитая отдавать свободное время удочке и реке. Видно, таким образом сказались на его характере три года, проведённые на советско-китайской границе.

– Был физрук, – отвечал Сергей с явной охотой, небеспричинно предпочитая говорить и рассказывать. – На лыжах бегали, в футбол гоняли. А кружков не было. У физрука, имею в виду. А так, конечно, были: авиамодельный, потом аэросани делали из мотоцикла, трактор «Владимирец» восстанавливали. А физрук кружков не вёл. Это уж мы с ребятами сами.

– Что – сами? – как бы не понял майор.

– Тренировались с ребятами, – сами. По посылторгу выписали боксёрские перчатки, книжку по самбо, и тренировались. Хук справа, мельницы там всякие. – Сергей отпу-

стил себя почти полностью. Потому как рассказывал чистую, чуть не написал «святую», правду. Рассказывал всё, как и было. Тогда они действительно, поработав летом в сельпо на укладке тротуаров, на всю сумму, что заработали бригадой, заказали почтой две пары боксёрских перчаток и кучу разнообразных тренировочных руководств. Среди тех методических изданий и было пособие по самообороне без оружия – самбо, автора Харлампиева. Правда, самому Сергею всё это скакание с перчатками и хряпанье спиной об землю быстро надоело, а может, всё дело опять же в складе характера. Не то чтобы был Сергей явным индивидуалистом, но шумных компаний не любил и стадных игрищ чурался. Гораздо приятнее было осторожно брести вдоль озёрного уреза, высматривая в камышовом переплетении непуганый ещё утиный молодняк или сидеть с удилищем на берегу тихой речной заводи. Что там их сблизило, ученика и учителя, совместная ли тихая радость, то ли обстоятельство, что физрук снимал для жилья комнату в доме волчугинского деда, судить трудно. Скорее и то, и другое вместе. Но остаётся фактом, что да – именно для Волчугина, конкретно для Волчугина, и только для Волчугина и стал дембельнутый сержант-пограничник тем самым, по словам майора, сенсиеем. Если сказать по-русски, – то Учителем. Именно так – Учителем с большой прописной буквы. Именно от учителя физкультуры Юрпалова услышал впервые простые слова триадной жизненной установки: «Не верь. Не бойся. Не проси». Именно Юрий Петрович, демонстрируя возможности тренированного организма, ударом ребра ладони расколол на половинки кирпич из красной звонкой глины и указательным пальцем правой руки пробил стенку жестяного подойника. Да, металл подойника был рыжеватым от старой ржавчины, но ведь не какой-нибудь стальной швайкой, не гвоздём-шпиглем, – указательным пальцем. И это впечатляло.

– Сами с усами, – продолжил майор как бы скептически. – Нет, ну ты посмотри, какие тут у нас самородки, – обратился он к капитану, как бы приглашая того разделить его начальственные сомнения в возможностях освоения разнообразных боевых техник без грамотного инструктора. Капитан ничего не ответил, мало того, даже вида не показал, что как-то среагировал на замечание начальника, а всё так же безучастно смотрел на Волчугина, но Сергею показалось, что взгляд его стал более заинтересованным. – Самоучки самоделкины, – продолжил майор, – а мы потом за ними расхлёбывай. Ну да ладно, это всё, так сказать, лирика. Сопли розовые. К нашему сегодняшнему разговору отношение хоть и имеющие, но достаточно опосредованное. Косвенное, то есть. А основное на сегодняшний момент то, что никаких заявлений от потерпевших не поступало. Молчат. Видно знает кошка, чьё мясо съела. Ну да это их дела и заботы, а у нас к вам, гражданин Сергей Волчугин, разговор всё-таки имеется.

Через минуту пребывания в темноте чувствительность глаз к свету возрастает в десять раз, через двадцать минут – в шесть тысяч раз. Тренированный студенческий волчугинский мозг среагировал на «разговор всё-таки имеется» секунды в полторы, и сразу прошибло потом, прошибло так, что испариной покрылся не только лоб, но и шея за ушами, так, что майка сразу влажно прилипла к груди и спине. И в то же время облегчение – значит, не всё так уж и грустно, значит, коль «разговор имеется», будет и разговор.